

Л. В А Б А

О ПРОБЛЕМЕ БАЛТИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ВОЛЖСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

О балтийских заимствованиях в волжских языках написано к нашему времени довольно много, и одним из реальных результатов изучения проблемы являются около полусотни балтийских этимологий. В настоящем докладе автор не собирается представлять конкретные этимологические анализы, соответствующая работа находится в стадии завершения и будет опубликована. Здесь излагаются некоторые соображения общего плана, связанные с данной тематикой.

Насколько глубоко во время уходят корни финно-угорских языков, настолько древен в них пласт индоевропейских заимствований. Ведь если посмотреть шире, большая часть лексических заимствований в финно-угорских языках имеет индоевропейское происхождение и распознавание их, как правило, не составляет для исследователей проблемы. Вопросы возникают тогда, когда необходимо указать индоевропейский источник точнее, т. е. из какого индоевропейского языкового состояния и в какой период времени то или иное слово было заимствовано. Так, напр., в прибалтийско-финских языках ненадежных этимологий среди заимствований балтийского происхождения — 42 %, а германского происхождения — приблизительно 40 %.

По поводу абсолютной хронологии балтийских контактов, как известно, существуют весьма разные точки зрения. В работах финского ученого Эмиля Нестора Сетяля и его учеников высказано мнение, что контакты прибалтийско-финских и балтийских племен начались за несколько веков до нашей эры, когда последние прибыли на берега Балтийского моря. В работах эстонского археолога Харри Моора археологическая культура ладьевидного топора, которая доходит в Прибалтику в III тыс. до н. э., связана с балтийскими племенами¹. В последнее время эта точка зрения находит, кажется, сторонников

¹ Подробно см.: Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин. 1956. С. 49—141; Моора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен // Сов. археология. 1958. № 2. С. 9—33.

и среди финских исследователей². Датирование балтийских и прибалтийско-финских контактов на 1000 лет раньше традиционной датировки исходит тем самым из археологических данных, языковые данные сами по себе столь ранней датировки не требуют.

В настоящее время при исследовании балтийских заимствований проявляются в работах финно-угроведов две диаметрально противоположные тенденции.

Во-первых, некоторые исследователи датируют балтийские заимствования все более далеким прошлым. В 1983 г. увидела свет работа финского ученого Йормы Койвулехто „Приход финнов на свои земли в свете индоевропейских заимствованных слов“, в которой он выдвигает гипотезу о возможных добалтийских и догерманских заимствованиях в прибалтийско-финских языках³. Конкретно речь идет о словах фин. *küpsä* ‘спелый, созревший, доваренный, дожаренный’ и *külmä* ‘холод, холодный’, которые, по Койвулехто, заимствованы на раннем этапе прибалтийско-финского праязыка из балтийского праязыка или ему предшествовавшей языковой стадии, но не из индоевропейского праязыка. Поскольку названные лексемы встречаются и в пермских языках, то Койвулехто объясняет это их более поздним перемещением из прибалтийско-финского пространства в пермские языки. Подробнее на контактах внутри языковой семьи остановимся ниже. Известно, что в саамском языке имеется около десятка балтийских заимствований, которые имеют, правда, соответствия в прибалтийско-финских языках, но не прошли через свойственные прибалтийско-финским языкам звукоизменения. Это обстоятельство свидетельствует, что контакт с балтами должен был начаться до отделения саамов от прибалтийско-финских племен в языковом плане. (Однако необходимо заметить, что большая часть балтийских заимствований попала в саамский язык все же позже, в основном через посредство финского языка.)

Поскольку в саамском, прибалтийско-финских и волжских языках (либо в мордовских или в марийском языках, либо в некоторых отдельных случаях как в мордовских, так и в марийском языках) имеется ряд общих основ балтийского происхождения, то факт этот объяснялся как доказательство того, что когда начался контакт с балтийскими племенами, географические и языковые связи прибалтийско-финских племен еще окончательно не прервались. Таких общих словооснов более 4–5. Здесь учтены лишь те балтийские заимствования саамского языка, которые консервативны в отношении прибалтий-

² Korhonen M. Suomen kantakielten kronologiaa. Virittäjä. Helsinki, 1976. S. 3–15.

³ Koivulehto J. Suomalaisten maahanmuutto indoeurooppalaisten lainasanojen valossa / Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. Helsinki, 1983. Nid. 78. S. 107–132.

ско-финских звукоизменений. Некоторые иные балтийские основы по своей фонетической структуре в отношении хронологии нейтральны⁴.

Отсутствие общего слоя балтийских заимствований, свойственного волжско-финским языкам, вполне закономерно; трудно указать и на иные общие для волжских языков инновации, поэтому в финно-угроведении в настоящее время сложилось, очевидно, единодушное мнение, что какого-либо волжского праязыка никогда не существовало⁵.

Уже упомянутая здесь вторая тенденция проявляется в том, что вновь приводится еще начиная с финского исследователя Эйно Ниеминена весьма спорная точка зрения, согласно которой у отдельных прибалтийско-финских племен были главным образом самостоятельные контакты с балтийскими племенами и самостоятельные балтийские заимствования. Сторонники этой точки зрения вообще ставят под сомнение заимствования из общего балтийского праязыка. Предполагается, что картина распространения балтийских заимствований унифицировалась в процессе более позднего перемещения балтизмов внутри языковой семьи.

Распространение балтийских заимствований недавно рассматривалось финским исследователем Сеппо Сухоненом⁶. Анализ распространения балтизмов в прибалтийско-финских языках показывает — и это очень любопытно, — что в финском языке почти без исключения представлены все балтийские заимствования прибалтийско-финских языков, в процентном выражении 92 %. К этой, так сказать, ведущей группе наряду с финским языком и ливвиковским диалектом карельского языка (в последнем отмечено 74 % балтийских заимствований) относится из языков южной группы эстонский (79 % из балтийских заимствований). Этот процент был бы еще выше, если бы Сухонен учел балтизмы, наблюдающиеся в эстонских диалектах. К сожалению, эстонская диалектная лексика еще не вполне доступна для исследователей. В маргинальных ареалах прибалтийско-финской языковой группы значительно меньше балтийских заимствований — в ливском и вепсском языках лишь по 57 %. Отсюда и можно сделать вывод, что контакт с балтийскими племенами стал интенсивнее после распада прибалтийско-финских племен в языковом отношении надвое и центром его были территории по обе стороны от Финского залива. Ареал же вепсского и ливского языков остался на пери-

⁴ Подробно см.: Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki; Jyväskylä, 1981. S. 28—35.

⁵ Обзор вопроса о волжском праязыке см.: Bereczki G. L'unité finnoise de la Volga a-t-elle jamais existé? // Études Finno-ougriennes. Paris, 1978—1979. T. 15. P. 81—90.

⁶ Suhonen S. Balttilaisten lainasanojen levikistä ja merkityspiirteistä itämerensuomalaisissa kielissä / Virittäjä. Helsinki, 1980. S. 189—211.

ферии, куда балтийское влияние доходило как бы опосредованно, было вторичным.

Сухонен и сам указывает на те факторы, которые усилили роль эстонского и финского языков в этом плане (как эстонский, так и финский представляют собой как бы сложные языки, которые растворили в себе и диалекты разных племен; как по финскому, так и по эстонскому языку имеются многомиллионные словарные коллекции и т. д.). Тем самым особое положение финского языка, ливвиковского карельского диалекта и эстонского языка в плане прибалтийско-финско-балтийских контактов может оказаться мнимым, иллюзорным. Что касается ливского языка, то большую часть пробелов в балтийских этимологических сериях — как нам представляется — можно объяснить, а иногда даже заполнить. Если рассматривать балтийские заимствования в ливском языке, то прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что пробелы здесь чаще встречаются в тех этимологических сериях, балтийское происхождение которых весьма сомнительно. Обратите внимание на явление, которое можно условно назвать хотя бы ливским феноменом. Во-первых, в ливском языке нередки случаи, когда наряду со старой балтийской основой параллельно выступает позднее латышское заимствование (см., напр., этимологические серии *hihna* 'ремень' или *liika* 'лишний, излишний', в которых ливские данные представлены как балтизмом, так и более поздним латышским заимствованием, соответственно *nī'ñ* и *siksnə, leiga* и *li'ekkə*). Во-вторых, в балтийской этимологической серии встречается пробел в ливской части, но его можно „залатать“ соответствующим поздним латышским заимствованием (см., напр., балтийские этимологические серии *takiainen* 'репейник', *talkoot* 'толока, помощь' или *apila(s)* 'клевер', в которых данные ливского языка выступают в латышской обработке, соответственно *da dʒà, ta'lk'* и *õ'bil'*). Таким образом, можно утверждать, что в ливском языке, где поздние ливско-латышские контакты служат прямым продолжением более ранних балтийских контактов, встречается ряд таких балтийских заимствований, которые выступают как бы в модифицированной форме, „в латышском издании“. Это факт, который следовало бы учитывать, прежде чем делать далеко идущие выводы об этнических связях прошлого, о центре — периферии прибалтийско-финско-балтийских контактов и т. п.

Достижения в области выяснения исторической территории заселения балтов и более точного вычерчивания восточной границы балтийского максимального ареала в Волго-Окском междуречье позволяют предположить прямые контактные отношения между балтами и мордвинами, а также между балтами и вымершими к нашему времени мерянами, а через них, возможно, с марийцами.

Недавно изданное исследование Ореста Ткаченко „Мерянский язык“⁷, посвященное „возможной ныне реконструкции мертвого и бестекстного мерянского языка“, дает несколько опорных точек для мерянского-балтийских прямых контактов, в том числе одну балтийскую основу, которая не зарегистрирована в других финно-угорских языках, а именно мерянское **kolBa* ‘говорить’, реконструируемое на основе русского арготического глагола *колбать* ‘то же’, ср. лит. *kalbà* ‘язык, речь, разговор’ (с. 155–156). Мерянское **kirβäs* ‘топор’, основой для реконструкции которого послужило русское арготическое слово *кирбяс*, зарегистрированное в Угличе бывшей Ярославской губернии, т. е. в самой западной части мерянского языкового ареала, Ткаченко считает косвенным балтийским заимствованием, полученным через венский язык (с. 150).

Хотелось бы обратить внимание на еще одну основу в мерянском материале, возможно, балтийского происхождения. Речь идет о русском арготизме *дульяс* ‘огонь’, зарегистрированном в бывшей Костромской области. На основе его Ткаченко реконструировал мерянскую словоформу **Dulə* (**tulə*). Обстоятельное толкование русского арготизма представляет серьезные трудности. Ткаченко пишет: „[Это] единственный случай, когда [полузвонкий] *D* (рус. *д*) отмечается в начале слова, [который], очевидно, объясняется тем, что его основой послужила форма не в абсолютном начале, а в середине предложения, где в составе синтагмы в позиции после гласного или сонанта мог происходить переход глухого в начале слова в полузвонкий“ (с. 65). Возможно, так оно и было. Дальше Ткаченко, опираясь на окончание *-as*, указывает, что исходной для заимствования формой был иллатив с формантом *-s* (с. 96). Косвенные падежи как исход для заимствования мыслимы, однако, как известно, не особенно часты. Для доказательства мягкой основы *дуль/яс* Ткаченко сопоставляет ее с эстонским типом склонения *kiri : kirja* (тем самым мерянское **Dulə* : **Dulja*). Тип склонения *kiri : kirja* представляет собой продукт обособленного развития языка, относительно позднее явление и потому в качестве доказательства не особенно убедителен. Как видим, Ткаченко очень трудно объяснить, почему русское арготическое слово имеет такую необычную фонетическую форму. Поэтому и возникает вопрос, нельзя ли этот арготизм на мерянской территории связать с балтийскими данными: ср. лит. *dūlis, dūlia* ‘подкур, гнилушка (для окуривания пчел)’, *dūlyti* ‘окуривать, подкуривать (пчел)’. Эта балтийская основа встречается в прибалтийско-финских языках северной группы как этимологическая серия без пробелов, ср. фин. *tuulas* ‘рыбная ловля лучением, острога’, *tuulastaa* ‘ловить рыбу лучением

⁷ Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев, 1985.

(острогой); лучить', людиковское *tuul'az*, средневепсское *tul'l'astada* 'лучить рыбу'. Отметим, что людиковская и веппская словоформы отражают и свойственную балтийскому оригиналу мягкую основу.

В наличии непосредственных контактов между мордвой и балтийскими племенами нет причин сомневаться. Однако следует все же отметить, что самостоятельных достоверных балтийских заимствований в мордовских языках до сих пор еще выявлено мало. Одним из них, давно известным случаем заимствования является эрзя-мордовское *p'ejel'*, мокшанское *p'ejal'* 'нож'. С другой стороны, приходится считаться и с теми исследователями (особенно отчетливо представлена эта мысль у академика Пауля Аристэ), кто не относит слово *p'ejel'* к доказательствам прямых контактов, поскольку оно могло попасть к мордве окольным путем, в результате торговых отношений⁸. Если бы удалось доказать, что распространенное в некоторых южноэстонских говорах слово *pala/s'k* (*s'k* — деривационный суффикс) 'тупой нож' происходит от фонетической формы **peil-* или, скорее, транспонированное в основу с заднерядными гласными — от формы **pail-* (ср. сев.-эст. *hein*, но юж.-эст. *hain* 'сено' и целый ряд подобных случаев), можно было бы и это мордовское слово включить в довольно длинный список общих балтийских заимствований в прибалтийско-финско-мордовских языках⁹.

В заключение хочется коротко остановиться на заимствовании внутри языковой группы. Полные, т. е. без пробелов, этимологические серии, которые невозможно отослать к какому-либо уровню праязыка, могли заполняться позже. Напр., в прибалтийско-финских языках полные славянские этимологические серии составляют 5 % (данные финской исследовательницы Кайзы Хяккинен¹⁰). Однако у нас нет никаких оснований считать, опираясь на экстралингвистические факты, что, напр., этимологические серии *rappi* 'поп' и *risti* 'крест', распространение которых в прибалтийско-финских языках максимально, могут быть возведены к прибалтийско-финскому праязыку. Подобные примеры можно привести и в отношении этимологических серий, касающихся новейших скандинавских заимствований, которые тоже заимствованы лишь после того, как прибалтийско-финская языковая общность распалась.

⁸ Аристэ П. Вопрос балтийских заимствований // Вопр. финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 6. С. 17.

⁹ Любопытно отметить, что монофтонгизация *ai > a* наблюдается в некоторых случаях в латышских заимствованиях эстонского и ливского языков: эст. *vanik*, лив. *vāñķka*: (prt. sg.) *vāñķkə* 'венюк', ср. лтш. *vāinags*; юж.-эст. *sal'l* 'смола в трубке', ср. лтш. *saillas*, *seilas* (см.: Vaba L. Lāti laensõnad eesti keeles. Tallinn, 1977. Lk. 224).

¹⁰ Häkkinen K. Suomalais-ugrilaisten kielten etymologisen tutkimuksen perusteita ja metodiikkaa. Turku, 1983. S. 261.

Такие почерпнутые из относительно позднего периода развития языка факты предлагают наводящий на размышления аналог при исследовании ранних слоев заимствований, т. е. полные этимологические серии могут представлять собой результат позднего развития, причем стимулом заимствования является экспансия новых проявлений культуры. Возвращаясь конкретно к балтийским контактам, следует отметить, что касаются они в первую очередь общей прибалтийско-финской, волжской и пермской земледельческой лексики.

SMULKMENA LXVIII

Senosios Lietuvos raštinių lituanizmus *скултъ* (*skult*) ir *скултодоилица* (*skultodojlida*) aikštėn iškėlė J. Laučiūtė (Baltistica XI, 2 156–157, LKK XVI 147–148, Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982, 95), remdamasi A. Vežbovskiu, kuris juos rado K. Jablonskio rankraštiniame palikime. Abejonę kelia nurodoma šių žodžių reikšmė: pirmojo ‘плотнический инструмент’, antrojo ‘плотник, работающий скултом’. K. Jablonskio rankraštiniame palikime esantys išraiškai tokios šių žodžių reikšmės nerodo. Štai jie: *на наемъ шкултъ въ Ковне* 1488 m. Kaunas, *взяти ... доилицов, што шкулты и струги робет* (raide e žymimas mažasis jūsas), *шкулты (с) правет, хочу оу осен дерево спустити* 1544 m. Kaunas, *в Городке подле шкултъ на реце Немне* 1555 m. Gardinas, *sluzycz trzy liata na skulczie albo dzie on roskaze* 1564 m. Kaunas; *no Керуку шкултодо(илице)* 1544 m. Kaunas, *на Петка шкултодоиле* 1544 m. Kaunas, *Микус шкултодо(или)ды* 1545 m. Kaunas, *Schimkus skultodoylyda, Symon skultodoylyda* 1561 m. Kaunas (lotyniškame tekste), plg. apie tą patį asmenį *Szimko fabricator navium* 1560 m. Kaunas. Iš pateiktų išrašų matyti, kad šie žodžiai susiję su upeivyste, pirmasis žymi tam tikrą laivą, antrasis – jo statytoją. Jie kildintini iš lie. *skūltas* ‘senovinis irklinis upių laivas’ (LKŽ XII 1128) ir **skultadail(yd)a* ‘skultų statytojas’. J. Laučiūtės (remiantis A. Vežbovskiu) nurodoma reikšmė ir tą reikšmę esą turintys lietuviški žodžiai **skūltas* ir **skūltadaila* laikytini atsiradę per nesusipratimą.

Z. Zinkevičius